

DOI: 10.15688/jvolsu4.2015.4.5

УДК 94(47).084.8

ББК 63.3(2)622.12

ОПЕРАЦИЯ «БОЛЬШОЙ САТУРН»: ПЛАН И ВОЗМОЖНОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ

Уташ Борисович Очиров

Доктор исторических наук, доцент,
ведущий научный сотрудник отдела истории и археологии,
Калмыцкий институт гуманитарных исследований РАН
utash@elista.ru
ул. Илишкина, 8, 358000 г. Элиста, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена анализу плана одной из важнейших операций, способствовавших коренному перелому Великой Отечественной войны. Первоначально этот план, задуманный как развитие операции «Уран», завершившейся окружением 6-й армии Паулюса в Сталинграде, назывался «Сатурн», однако после создания усеченного варианта «Малый Сатурн» его стали именовать «Большой Сатурн». Основной целью «Сатурна» было проведение стратегического наступления силами четырех-пяти армий со Среднего Дона и Чира в направлении Ростова-на-Дону, чтобы тем самым отрезать выход с Кавказа вражеским группам армий «А» и «Дон».

Анализ сил Сталинградского фронта, осуществленный в статье, показывает, что имеющихся в резерве фронта войск было достаточно для отражения удара. Переведенные сюда стратегические резервы оказались избыточными, а их наступление на Ростов оказалось безуспешным, в то время как их применение по плану «Сатурн» привело бы к несомненному успеху, в результате этого Манштейну удалось вывести из ловушки через Ростов большую часть войск групп армий «А» и «Дон», которые сыграли ключевую роль в поражении советских войск в Донбассе и под Харьковом в ходе стратегических операций «Звезда» и «Скачок».

Ключевые слова: Великая Отечественная война, коренной перелом, Сталинградская битва, операция «Сатурн», Среднедонская операция, Юго-Западный фронт (2-го формирования), Александр Михайлович Василевский, Николай Федорович Ватутин.

План операции «Сатурн» наряду с планами «Уран», «Марс», «Полярная звезда» и др. входил в цикл стратегических операций, задуманных командованием Красной армии осенью 1942 г. – зимой 1943 г. для осуществления коренного перелома в Великой Отечественной войне.

Замысел этого наступления на Среднем Дону, основной целью которого был удар на Ростов и отрезание южного крыла от основных сил Восточного фронта вермахта, начал обсуждаться в Ставке Верховного главноко-

мандования еще до начала «Урана». По утверждению Г.К. Жукова, этот план был не только задуман в Ставке, но и якобы составлен ею, подписан им, Василевским и даже Сталиным [16, с. 289]. Последнее утверждение вызывает определенные вопросы, поскольку реальным разработчиком «Сатурна» была вовсе не Ставка, а штаб Юго-Западного фронта и группа представителей Верховного главнокомандующего во главе с начальником Генштаба А.М. Василевским. Кроме того, Василевский всю вторую половину но-

ября и почти весь декабрь провел на фронтах южного направления (за исключением 17–18 ноября, когда он был вызван к Сталину для обсуждения письма генерал-майора В.Т. Вольского), в то время как Жуков, руководя «Марсом», с 17 ноября находился на фронтах западного направления и после 18 ноября не встречался с Василевским до конца года, а со Сталиным виделся лишь 6–8 декабря (см.: [12, с. 390–393]), когда обсуждал вопросы повторного наступления в рамках операции «Марс», а план «Сатурна» уже был давно утвержден. Возможно, что Жуков в своем интервью вел речь о первоначальном замысле, который в реальности отличался от утвержденного Ставкой ВГК 3 декабря. В любом случае не приходится сомневаться в том, что Жуков был хорошо осведомлен о сути замысла «Сатурна» и сыграл свою роль в его обсуждении и эволюции.

В советской историографии больше был известен усеченный вариант этого плана, получивший наименование «Малый Сатурн» и реализованный в ходе Среднедонской операции. В этом сражении войска Юго-Западного фронта разгромили 8-ю итальянскую армию и «боковско-морозовскую группировку противника», оттянув тем самым часть группировки фельдмаршала Э. фон Манштейна с котельниковского направления, что в конечном итоге способствовало поражению немецких войск в Сталинграде [17, с. 679]. Первый план операции для отличия от «Малого Сатурна» после этого стали именовать «Большим Сатурном». Следует также заметить, что и этот вариант советское командование пыталось внедрить в жизнь, но успеха не достигло.

Конкретная разработка плана наступления на Среднем Дону началась лишь 24 ноября по прямому указанию И.В. Сталина, который и дал этому плану название «Сатурн» [2, с. 232]. Есть свидетельства, что определенные элементы «Сатурна» разрабатывались ранее Ставкой или Генштабом, например, вышеупомянутое свидетельство Г.К. Жукова, которое могло иметь место только 6 ноября или в конце октября (см.: [12, с. 388–390]). М.И. Казаков, являвшийся в описываемый период начальником штаба Воронежского фронта, в своих воспоминаниях писал о том, что

указания на разработку своей части плана Среднедонской операции командующий фронтом генерал-лейтенант Ф.И. Голиков получил 13 ноября. При этом наступление предлагалось осуществить двумя группировками: силами 6-й армии Воронежского фронта и частично 1-й гвардейской армии Юго-Западного фронта (поддержанные тремя танковыми корпусами) с осетровского плацдарма в направлении Кантемировка – Чертково – Миллерово и силами части 1-й гвардейской и 5-й танковой армий из района Вешенской в направлении на Морозовск. На втором этапе операции после ввода свежих сил из резерва Ставки (нескольких танковых корпусов и общевойсковой армии) Юго-Западный фронт осуществлял с рубежа Чертково – Миллерово удар на Ростов [8, с. 130–131].

Однако на деле конкретную разработку «Сатурна» отложили до получения первых результатов операции «Уран» и установления внешнего фронта окружения, по крайней мере той его части, которая могла использоваться в качестве исходных рубежей для удара на Ростов. Тот же М.И. Казаков признавался, что, получив сведения о замысле Среднедонской операции, он остался в недоумении, поскольку ему «трудно было воспринять такой размах операции. Ведь мы еще не были ориентированы тогда об общих стратегических замыслах Ставки на осенне-зимнюю кампанию... Только после 20 ноября... перед нами по-настоящему раскрылся глубокий смысл нашей операции» [8, с. 131]. Действительно, после успеха «Урана» левый фланг атакующей группировки оказался безопасным от возможного удара противника. Мало того, новые исходные рубежи для наступления левофланговой группировки 1-й гвардейской армии (будущей 3-й гвардейской армии) и 5-й танковой армии по сравнению с Вешенской оказались на 30–60 км ближе к Морозовской и Ростову, а конфигурация линии фронта стала оптимальной для проведения операций на окружение.

Начать практическую разработку плана «Сатурн» Сталин решил вечером 23 ноября, отдав соответствующий приказ Василевскому, когда получил сообщение о том, что части Юго-Западного и Сталинградского фронтов соединились под Калачом, замкнув коль-

цо окружения вокруг группировки Ф. Паулюса, хотя внешний фронт окружения еще не установился и советские войска прикрывали на нем лишь 265 км из 450 [2, с. 226]. Такая поспешность (ведь было еще не совсем ясно, с каких рубежей будут наступать войска 5-й танковой армии П.Л. Романенко) была вызвана необходимостью скорейшей реализации преимуществ сложившейся оперативной ситуации. У немцев не было оперативных резервов в этом районе, особенно на направлении Ростов – Морозовск, и после окружения 6-й армии Паулюса новый фронт пришлось закрывать командами выздоравливающих и отпускников, тыловыми комендатурами, строителями, железнодорожниками, аэродромной службой, маршевыми ротами, отрядами коллаборационистов и т. п. [13, с. 541–543]. Чтобы закрыть образовавшиеся прорехи, командованию группы армий «Б» пришлось «огрбить» тылы соседних армий и забрать у них последние резервы. Например, для того чтобы «сцементировать» участок нового фронта по берегу р. Кривой, пришлось из тыла 2-й венгерской армии перебросить 17-й армейский корпус вермахта [13, с. 543]. Для противодействия новому наступлению советских войск группа армий «Б» резервов фактически не имела. Соединения, которые Главное командование вермахта собирало в соседних группах армий и даже в Европе для переброски на Дон, предназначались для деблокирования армии Паулюса. На направлении Миллерово – Ростов войск не было. Таким образом, Юго-Западный фронт имел благоприятную возможность одним ударом захлопнуть в ловушке группу армий «А» и вновь формируемую группу армий «Дон».

Практическую разработку плана осуществлял штаб Юго-Западного фронта во главе с командующим Н.Ф. Ватутиным при участии представителей Ставки ВГК – начальника артиллерии Красной армии Н.Н. Воронова и командующего ВВС Красной армии А.А. Новикова и под общим руководством начальника Генштаба А.М. Василевского. Несколько необычный выбор разработчика (в большинстве случаев такие крупные стратегические операции разрабатывались Генштабом при участии управлений задействованных фронтов) следует объяснять двумя

причинами: во-первых, уже упомянутой срочностью операции; во-вторых, высокой степенью доверия со стороны Генштаба и самого Василевского к его бывшему шефу – Ватутину, занимавшему в 1940–1941 гг. посты начальника Оперативного управления, 1-го зам. начальника (по оперативным вопросам и вопросам устройства тыла) и и. о. начальника Генштаба.

В ходе разработки «Сатурна» все три представителя Ставки ВГК лично проводили рекогносцировки, рискуя жизнью. Например, 24 ноября они вместе со своими порученцами и секретными документами вылетели в полосу соседнего Воронежского фронта на семи У-2, которые в сгустившемся тумане заблудились и были вынуждены совершить аварийные посадки. А ведь случай попадания в плен высокопоставленного советского генерала подобным путем уже имел место в апреле 1942 г., когда заблудившийся летчик доставил немцам прямо на аэродром бывшего начальника 2-го управления ГРУ, назначенного командующим 48-й армией генерал-майора А.Г. Самохина. Однако временной фактор вынудил представителей Ставки ВГК пойти на риск [2, с. 229–230].

27 ноября во время переговоров Сталина с Василевским по телеграфу Верховный главнокомандующий выразил беспокойство тем, что некому «объединять действия Донцова (командующего Донским фронтом генерал-лейтенанта К.К. Рокоссовского) и Иванова (командующего Сталинградским фронтом генерал-полковника А.И. Еременко)». Поэтому он приказал Василевскому сосредоточиться на завершении разгрома группировки Паулюса «и не отвлекаться ни на какие другие дела», а представителем Ставки ВГК на Юго-Западном и Воронежском фронтах назначили генерал-полковника артиллерии Н.Н. Воронова [18, с. 91–96]. Для «Сатурна» это решение позже имело роковые последствия.

2 декабря штаб Юго-Западного фронта во главе с командующим фронтом генерал-лейтенантом Н.Ф. Ватутиным и начальником оперативного управления фронта генерал-майором С.П. Ивановым завершил разработку плана операции и передал его в Ставку, которая на следующий день утвердила его без изменений и назначила начало «Сатурна» на

10 декабря [18, с. 136]. Согласно этому плану войска Юго-Западного фронта (5-я танковая армия генерал-лейтенанта П.Л. Романенко, 1-я гвардейская армия генерал-лейтенанта В.И. Кузнецова, выделенная из состава последней 3-я гвардейская армия генерал-лейтенанта Д.Д. Лелюшенко) и 6-я армия генерал-лейтенанта Ф.М. Харитонова Воронежского фронта образовали четыре ударные группировки, которые должны были разгромить 8-ю (итальянскую) армию, остатки 3-й румынской армии и 48-й танковый корпус вермахта [4, с. 312–313].

Первая группировка концентрировалась на осетровском плацдарме и близлежащих районах для нанесения удара в южном направлении, на Миллерово. В ее состав должны были войти 6-я армия Воронежского фронта (пять стрелковых дивизий, стрелковая бригада и два танковых корпуса, все, кроме 127-й стрелковой дивизии, перебрасывались из резерва или других участков фронта) и правый фланг 1-й гвардейской армии (шесть стрелковых дивизий и танковый корпус, все, кроме 1-й стрелковой дивизии, перебрасывались из резерва), сконцентрировавшие большую часть своих сил на узком участке. Левофланговые части 1-й гвардейской армии (часть 1-й и 153-я стрелковые дивизии) должны были нанести два вспомогательных удара – в районе Замостья и хутора Варварин, чтобы, соединившись с главной группировкой, замкнуть несколько мелких «котлов». В резерве армии оставалась 22-я мотострелковая бригада (в начале декабря передана 3-й гвардейской армии).

В состав 6-й армии из резерва Ставки или других участков фронта перебрасывались 15-й стрелковый корпус (172, 267, 350-я стрелковые дивизии), 160-я стрелковая дивизия, 106-я стрелковая бригада, 17-й и 25-й танковые корпуса, 115-я танковая бригада, 82-й и 212-й танковые полки. Поддержку наступлению обеспечивали 12 артиллерийских полков, в том числе 3 гаубичных, 2 полка РСЗО, инженерная бригада специального назначения и др. [15, с. 576]. Для того чтобы дать командованию армии возможность полностью сосредоточиться на участии в «Сатурне», остальные ее соединения, занимавшие позиции по Дону напротив итальянского Альпийского корпуса и 2-й венгерской армии, было решено

вывести из состава 6-й армии вместе с занимаемыми ими участками. В начале декабря 309-ю стрелковую дивизию передали в состав 40-й армии, 219-ю и 270-ю стрелковые дивизии – в состав вновь формируемого 18-го стрелкового корпуса, 1-ю истребительную дивизию вывели в резерв фронта [1, с. 15–16].

На усиление 1-й гвардейской армии, созданной 5 ноября путем переименования 63-й армии и присоединения к ней всей 4-й резервной армии, прибывшей из резерва Ставки ВГК в начале декабря и состоявшей из 4-го гвардейского (35-я и 41-я гвардейские, 195-я стрелковые дивизии) и 6-го гвардейского (38-я и 44-я гвардейские стрелковые дивизии) стрелковых корпусов, 24 ноября прибыл из Татищевского танкового лагеря 18-й танковый корпус, а также два танковых полка и два мотоциклетных батальона. В тылу 1-й гвардейской армии, в районе с. Калач-Воронежский, в 50–60 км от осетровского плацдарма планировалось развертывание 24-го танкового (прибыл в Калач из Тамбовского танкового лагеря 9 декабря) и 6-го механизированного (убыл 8 декабря из Костеревского танкового лагеря, но 13 декабря был перенаправлен в другой район) корпусов, которые приберегались для второго этапа «Сатурна» – броска на Лихую и далее на Ростов [4, карта 23].

Поддержку наступлению должны были обеспечить артиллерийская дивизия, 2 корпусных артиллерийских полка, 5 минометных полков, 3 полка и 10 отдельных дивизионов РСЗО [4, карта 23]. Следует заметить, что возможности для контрбатарейной борьбы у итальянцев были весьма слабые. Артиллерийские полки были вооружены 75-мм пушками образца 1918 г. (некоторые части имели несколько 100-мм пушек образца 1917 г.), пехотные полки – 65-мм пушками образца 1917 г. и 81-мм минометами. Кроме того, артиллерию имели подразделения ПВО, вооруженные 20-мм зенитками, малоэффективными против пикировщиков и бронированных «илов», и противотанковые батареи, вооруженные 47-мм орудиями, практически бесполезными против Т-34 и КВ. Их возможности для противостояния современным советским 122-мм М-30 и А-19, 152-мм М-10 и МЛ-20, принятым на вооружение в 1937–1938 гг. (не говоря уже о «катюшах» и других системах залпового огня), были практически

равны нулю. Поэтому состав артиллерийской группировки подкорректировали в сторону уменьшения. К середине декабря в составе всей 1-й гвардейской армии были артиллерийская (не полностью) и зенитно-артиллерийская дивизии, отдельные артиллерийские части (всего 9 полков и 2 отдельных дивизиона), 2 полка и 12 отдельных дивизионов РСЗО, в том числе 10 тяжелых, инженерно-саперная бригада и т. д. [15, с. 576].

1-й гвардейской и 6-й армиям противостояла 8-я итальянская армия генерала Итало Гарибольди, в отличие от советских войск равномерно растянутая на всем протяжении фронта вдоль р. Дон. На левом фланге находился элитный Альпийский корпус (2-я «Тридентина», 3-я «Джулия», 4-я «Кунеззе» альпийские дивизии), который в предстоящем сражении избежал окружения и был разгромлен лишь в январе 1943 г. в ходе Острогужско-Россошанской операции. В районе осетровского плацдарма и близлежащих территорий между р. Черная Калитва и Богучарка был развернут 2-й итальянский армейский корпус (298-я немецкая, 3-я «Равенна» горнострелковая и 5-я «Коссерия» пехотная итальянские дивизии, бригада чернорубашечников «23 марта»). Напротив Замостья, в районе между Богучаркой и Сухим Донцом, занимал позиции 35-й итальянский армейский корпус (9-я «Пасубио» моторизованная дивизия и бригада чернорубашечников «3 января»). Еще дальше к востоку, вплоть до района напротив Вешенской, стоял 29-й немецкий армейский корпус, состоявший из итальянских дивизий (52-я «Торино» моторизованная, 3-я «Амедео Дука д'Аоста» мобильная, 2-я «Сфорцеска» горнострелковая) [4, карты 22 и 23].

За звучными и красивыми названиями итальянских соединений пряталась низкая боеспособность и плохое качество вооружения и техники. Например, горнострелковыми реально были только кадровые альпийские дивизии. «Сфорцеска» и «Равенна» де-факто были обычными пехотными соединениями, состоявшими из двух пехотных и одного артиллерийского полка. Такими же соединениями были моторизованные дивизии «Пасубио» и «Торино», вся моторизация которых заключалась в перевозке военнослужащих на гражданских грузовиках. Более или менее элитной

дивизией являлась 3-я мобильная «Амедео Дука д'Аоста», состоявшая из двух полков кавалерии, полка берсальеров и полка артиллерии, но таких соединений во всех итальянских вооруженных силах было всего три. О боевых качествах итальянцев хорошо говорит тот факт, что они в течение двух недель даже не заметили переброски на крошечный (4×6 км) осетровский плацдарм нескольких дивизий и наведения нескольких мостов большой грузоподъемности, через которые в первый же день были введены в прорыв три танковых корпуса [8, с. 132–133]. Боеспособность 298-й немецкой дивизии была, конечно же, выше, но в составе 8-й армии она была единственной и находилась в стороне от осетровского плацдарма (в районе Богучара).

Вторая группировка развертывалась на левом фланге вновь формируемой (вернее, выделенной из 1-й гвардейской армии «левофланговой группы») 3-й гвардейской армии (пять стрелковых дивизий и механизированный корпус) к востоку от Боковской для нанесения удара на запад, в район Миллерово. Все дивизии, как ударной боковской группировки (14-й стрелковый корпус: 14-я и 50-я гвардейские, 159-я стрелковая дивизии; 203-я и 266-я стрелковые дивизии), так и прикрывающие ее правый фланг 197-я и 278-я стрелковые дивизии, были из числа участвовавших в операции «Уран» и последующих боях и понесли потери, не восполненные к середине декабря. «Свежими» в составе 3-й гвардейской армии были лишь 1-й гвардейский механизированный корпус, завершивший свое переформирование в Татищевском танковом лагере лишь в ноябре 1942 г. и к началу декабря даже не успевший переправиться на южный берег Дона, три танковых полка и два мотоциклетных батальона.

Поддержку наступлению должны были обеспечить четыре артиллерийских (в том числе два гаубичных) и два минометных полка. Боеспособность противника на этом участке фронта наше командование оценивало как низкую, поэтому создавать крупную артиллерийскую группировку здесь не планировалось. Однако после сильных ударов 294-й дивизии в районе Боковской и Астахова артиллерию на этом направлении усилили. К середине декабря в составе 3-й гвардейской армии было 16 артиллерийских полков (в том числе 3 га-

убичных и 4 зенитных), 2 минометных полка, полк и 2 отдельных дивизиона РСЗО, инженерно-минная бригада и др. [15, с. 576], большая часть которых была сконцентрирована в районе Астахов – Боковская – Краснокутская.

Войскам Лелюшенко противостояла оперативная группа «Холлидт» (сформирована на базе управления 17-го немецкого армейского корпуса) – северное крыло 3-й румынской армии (командующий – генерал-лейтенант Петре Думитреску). К северу от Боковской был развернут 1-й румынский армейский корпус: 7-я и 11-я румынские пехотные дивизии, избежавшие разгрома во время «Урана», и остатки 9-й румынской пехотной дивизии. Для «цементирования» румынских позиций с ними попеременно были поставлены части 62-й и 294-й немецких пехотных дивизий, переброшенных из тыла. К югу от Боковской находились позиции 2-го румынского армейского корпуса, на которых вперемишку стояли остатки немецкой 22-й танковой, румынских 1-й танковой, 7-й кавалерийской, 14-й пехотной дивизий, 5-го румынского корпуса [11, с. 785]. Соединения, входившие во 2-й румынский корпус, попали под «катоку» «Урана», понесли большие потери, и их боеспособность к началу декабря была не очень высокой.

Таким образом, эти две группировки должны были замкнуть кольцо окружения вокруг 1-го румынского, 29-го немецкого, 2-го и 35-го итальянских корпусов. Всего в окружение должны были попасть 10 дивизий: 3 немецкие (62, 294 и 298-я пехотные), 2 румынские (7-я и 11-я пехотные), 5 итальянских (2, 3, 9, 52-я пехотные и 3-я мобильная), а также две бригады чернорубашечников «3 января» и «23 марта». Одновременно часть сил 3-й гвардейской армии после прорыва поворачивала на юг, в районы Ильинки (на Калитве) и Милюгинской, чтобы соединиться с войсками 5-й танковой армии и окружить 2-й румынский корпус и сводную группу «Шпанг» 3-й румынской армии.

Третья и четвертая группировки, сформировавшиеся в составе 5-й танковой армии, именовалисьлевой и правой группами. Левая группа, состоявшая из 119-й и 333-й стрелковых дивизий, 3-го гвардейского кавалерийского и 1-го танкового корпусов, должна была форсировать Чир и осуществить прорыв на участке Нижне-Чирская – Островская. Правая группа, состоявшая из 40-й, 47-й гвардей-

ских, 321-й, 346-й стрелковых дивизий, 8-го кавалерийского и 5-го механизированного корпусов, 8-й гвардейской танковой бригады, должна была форсировать Чир и осуществить прорыв на участке между Обливской и Караичевом. Поддержку ей по плану должны были оказать двенадцать артиллерийских полков (в том числе два гаубичных и семь противотанковых), один минометный полк и два полка РСЗО [4, карта 23].

Угроза возможных танковых контратак противника обусловила преобладание в составе артиллерии истребительно-противотанковых полков, и это решение оказалось правильным, несмотря на серьезную ошибку нашей разведки. По ее данным, тормосинская группировка состояла из частей 14-й танковой и 295-й пехотной дивизий, которые на самом деле остались в сталинградском «котле». Фактически оборону по Нижнему и Среднему Чиру держали спешно сформированные сводные группы «Шпанг» (части 213-й и 403-й охранных дивизий), «Штахель» (8-я авиаполевая дивизия, усиленная полевыми подразделениями и зенитными частями 8-го авиакорпуса), «Шмидт» (гарнизон Суровикино), «Вайке» (тыловики, охранники и эстонские полицаи), «Зелле» (артиллеристы, тыловики), «Штумпфельд» (семь полевых школ 6-й армии офицеров, унтер-офицеров, специалистов, 62-й моторизованный дивизион, команда химиков и др.), «Адам» (избежавшие окружения батальоны и роты 6-й армии, 6-й железнодорожный полк, тыловики, охранники), «Хайльман». Все эти группы составляли южное крыло 3-й румынской армии и подчинялись ей напрямую. Танков и САУ, собранных по принципу «с бору по сосенке», в них было мало. Самыми крупными танкер-подразделениями являлись рота 301-го танкового батальона и 376-й танкоистребительный отряд, и угроза танковых ударов от них была невелика.

Однако в конце ноября на Нижний Чир прибыло управление 48-го танкового корпуса, которое взяло под свое управление группы «Хайльман» и «Адам», захватившие важные плацдармы в районе Верхне-Чирского и Рычковского: на левом (северном) берегу Чира и левом (восточном) берегу Дона, причем с действующим мостом. С этого рубежа немцы могли произвести деблокирование 6-й ар-

мии, причем расстояние отсюда до войск Паулюса было вдвое меньше, чем от Котельниково. Манштейн, разрабатывая операцию «Винтергевиттер», планировал один из ударов провести с этого плацдарма (или, как один из вариантов, даже главный удар с переброской туда всего 57-го танкового корпуса) [9, с. 381]. Поэтому он перевел 48-й танковый корпус в 4-ю танковую армию генерал-полковника Германа Гота и усилил его мощными резервами: 1 декабря прибыла 336-я пехотная дивизия, 4 декабря – 7-я авиаполевая, а 6 декабря в Морозовске завершила выгрузку 11-я танковая дивизия, переброшенная с орловского направления. Через неделю на этой же железной дороге должна была произвести выгрузку 17-я танковая дивизия, выведенная из-под Орла [6, с. 75–76].

В условиях, когда тормосинская группировка на глазах превращалась в танковый корпус, ошибка наших разведчиков послужила благом: если бы Правой группе удалось бы прорвать фронт и уйти в прорыв, то парировать угрозы танковых контратак как с левого фланга (11-й танковой дивизии), так и с правого фланга (22-й танковой дивизии) можно было только путем концентрации на опасных направлениях противотанковых полков. Нашему командованию удалось собрать планируемые силы: к середине декабря в составе 5-й танковой армии было восемнадцать артиллерийских полков (в том числе восемь противотанковых и шесть зенитных), два минометных полка, два полка и дивизион РСЗО, инженерная бригада специального назначения и др. [15, с. 576].

По плану обе группы должны были соединиться в районах Верхне-Аксеновский, Тормосин и Кондаков, составив тем самым три кольца окружения, в которых предполагалось уничтожить расчлененную тормосинскую группировку противника. Одновременно с этим Правая группа должна была соединиться с частями 3-й гвардейской армии в районе Ильинки и Милютинской, замыкая в кольца окружения остатки 2-го румынского корпуса. Однако главный удар Правая группа 5-й танковой армии наносила вдоль железной дороги по направлению Чернышковский – Морозовская – Тацинская к Белой Калитве и Усть-Быстрианской на Северском Донце. Основным ударом Левого фронта пролегал вдоль се-

верного берега Дона через Цимлянскую к Константиновской.

К исходу третьего дня операции «Сатурн» четыре танковых и два механизированных корпуса должны были сконцентрироваться в районе Миллерово – Беловодск. Два танковых корпуса, развернутые в районе Беловодска, предназначались для наступления на Ворошиловград, два танковых и два механизированных корпуса, развернутые вокруг Миллерово, предназначались для наступления на Лихую. За Северским Донцом эта группировка должна была соединиться с тремя мобильными корпусами 5-й танковой армии (танковый и два кавалерийских корпуса), наступающими от рубежа Белая Калитва – Усть-Быстрианская на рубеж Лихая – Шахты. Атаке Правой группы должна была содействовать Левая группа, продолжающая движение вдоль северного берега Дона к Новочеркаску [4, схема 23]. Для развития удара в направлении Ростов – Таганрог предполагалось использовать 6-й механизированный корпус, убывший 8 декабря в тыл 1-й гвардейской армии, и 2-ю гвардейскую армию генерал-лейтенанта Р.Я. Малиновского, базировавшуюся в районе Тамбова – Мичуринска, которая 4 декабря начала погрузку в эшелоны [2, с. 238].

Однако А.М. Василевский, теперь больше заинтересованный в разгроме сталинградской группировки Паулюса, добился 4 декабря передачи 2-й гвардейской армии в состав Донского фронта для завершения операции «Кольцо». Надо сказать, что отношение к этому решению было неоднозначным уже тогда, причем неправильным его считал не только прямо заинтересованный в нем Ватутин, но и командующий Донским фронтом Рокоссовский, не принимавший участия в «Сатурне». Мало того, звучали еще более радикальные предложения. Например, по утверждению Василевского, один не названный им полководец предложил оставить вокруг армии Паулюса «лишь охранные войска, поскольку она якобы не представляла угрозы, являлась вроде “зайца на привязи”, а все наши основные войска немедленно двинуть на Ростов-на-Дону, чтобы отрезать пути отхода фашистским войскам с Северного Кавказа» [2, с. 238–239]. Также Василевский утверждал, что Жуков был против переадресации армии Мали-

новского и предлагал использовать ее для удара на Ростов по прежнему плану (правда, судя по деталям, этот спор относился к ночи с 12 на 13 декабря, когда обсуждался вопрос о переводе уже со сталинградского направления на котельниковское) [16, с. 363].

Сам Жуков в своих воспоминаниях утверждал обратное. В конце ноября (после доклада Сталину по телеграфу 29 ноября) он созвонился по ВЧ с Василевским и якобы уговорил его временно отказаться от «Сатурна» и нанести удар во фланг тормосинской группировке [5, с. 357]. Действительно, войска 5-й танковой армии уже 2 декабря начали штурм вражеских позиций в районах Обливской, Суровикино, Нижне-Чирской и Рычковского (то есть почти по всей излучине Чира), расходуя резервы и боеприпасы, накапливаемые для «Сатурна». Частям 119-й дивизии удалось даже захватить новый плацдарм в районе Нижне-Калиновки, охватив таким образом суровикинский плацдарм противника. Однако подход 336-й пехотной дивизии и передовых частей 7-й авиационной и 11-й танковой дивизий позволил немцам не только остановить наше наступление, но и самим перейти в контратаки.

7 декабря Романенко, перебросив 1-й танковый корпус на островский плацдарм, при поддержке 333-й стрелковой дивизии и 3-го гвардейского кавалерийского корпуса, нанес мощный удар, прорвал позиции батальона 7-й авиационной дивизии и вышел в район Сысойкина, угрожая окружением нижне-чирской и рычковской группировкам противника (336-я пехотная дивизия, группы «Штумпфельд» и «Адам») [4, с. 307]. Потери фашистов были значительными. Однако к месту боя подошли основные силы 11-й танковой дивизии, которые в тяжелейшем бою остановили наше наступление. С 9 декабря против нижне-чирской и рычковской группировок стала действовать 5-я ударная армия Сталинградского фронта. 11 декабря войска 5-й танковой армии вновь перешли в атаку. С большим трудом немцы отразили этот натиск, но 48-й танковый корпус из планов «Винтергевиттера» пришлось исключить [10, с. 220–230].

В другом интервью Г.К. Жуков утверждал, что когда Сталин консультировался с ним по вопросу переадресации армии Малинов-

ского с ростовского направления на сталинградское, то он считал нужным согласиться с мнением Василевского: «и, глядя в прошлое, учитывая тогдашнее соотношение сил, я считаю, что в той обстановке нам ничего, кроме этого, и не оставалось. Подписываюсь под этим решением и считаю его правильным» [16, с. 290].

Тем не менее подготовка к «Сатурну», несмотря на переадресацию 2-й гвардейской армии и преждевременное израсходование части сил и средств 5-й танковой армии, продолжалась. К тому же выбранный для армии Малиновского район развертывания (Калач-на-Дону) еще позволял в случае необходимости задействовать это объединение в рамках «Сатурна» по старому варианту. Однако из-за проблем с транспортом Воронежский и Юго-Западный фронты не успевали завершить переброску резервов и боеприпасов, поэтому Воронов, Ватутин и Голиков попросили перенести начало операции на 16 декабря [3, с. 84].

Ситуация кардинальным образом изменилась 12 декабря, когда Манштейн начал операцию «Винтергевиттер» на котельниковском направлении силами 57-го танкового корпуса и поддерживающих его румын с целью деблокады 6-й армии. Первоначально 4-й механизированный и 13-й танковый корпуса вместе с частями 51-й армии сдерживали их натиск на Аксае, но с подходом 17-й танковой дивизии 19 декабря корпусу Вольского и приданным ему частям пришлось отойти на р. Мышкова. Василевский, опасаясь прорыва, еще рано утром 13 декабря добился от Сталина разрешения направить туда 2-ю гвардейскую армию [2, с. 242–244], которая сумела остановить 57-й танковый корпус в жесточайших боях под Черноморовым, Громославкой и Васильевкой. Против Манштейна был направлен и 6-й мехкорпус. Взамен Ватутина из состава Воронежского фронта передали 25-й танковый корпус, который и так планировался для участия в Среднедонской операции. Ввиду нехватки сил вечером 13 декабря план «Сатурн» был заменен на «Малый Сатурн»: главный удар в полосе 1-й гвардейской и 6-й армий теперь наносился на юго-восток, на Морозовскую с целью окружения части 8-й итальянской армии и группы «Холлидт» [18, с. 204–205]. Раздосадованный Ватутин во вре-

мя обсуждения нового плана пытался отстоять вариант, близкий к прежнему (с выходом на рубеж Волошино – Миллерово), но Голиков и Генштаб настояли на повороте направления удара на юго-восток [8, с. 137]. Финальный рубеж наступления пролегал по линии Валентиновка – Марковка – Чертково – Ильинка – Тацинская – Морозовск – Чернышковский [4, с. 321–322].

16 декабря войска 1-й гвардейской и 6-й армий прорвали позиции итальянцев. Четыре танковых корпуса один за другим ринулись в глубокий прорыв, и вскоре фронт противника рухнул по всему Среднему Дону. 17 декабря начали наступление 3-я гвардейская армия, прорвавшая немецкие позиции в районе Боковской, и 5-я танковая армия, атаковавшая в районе Нижне-Чирской и к востоку от Обливской. Путем величайшего напряжения сил 48-му танковому корпусу удалось отразить атаки армии П.Л. Романенко, но группа «Холлидт» и 8-я итальянская армия были разгромлены наголову. Танковые корпуса за 8 дней продвинулись в тыл врага на расстояние до 200 км, а 24-й корпус В.М. Баданова – на 240 км, захватив аэродром в Тацинской [17, с. 679]. Стремительные рейды, хаос, бои с перевернутым фронтом, пробивающиеся из окружения остатки фашистских войск вносили неразбериху даже на карты советских командиров, неоднократно попадавших в засады в своем тылу. Среди них оказались начальник штаба Юго-Западного фронта генерал-майор Г.Д. Стельмах (убит) и начальник штаба 3-й гвардейской армии генерал-майор И.П. Крупенников (пленен).

Таким образом, в результате прорыва наших войск на фронте от Новой Калитвы до Чернышковского образовалась 340-километровая брешь, для закрытия которой у противника резервов, перебрасываемых из Европы, групп армий «Центр» и «Б», было явно недостаточно (306, 308, 385, 387-я пехотные, часть 3-й горной, остатки 27-й танковой дивизии). Для того чтобы остановить наступление Ватутина, пришлось снимать с фронта соединения, задействованные в стратегических операциях. Например, 19-я танковая дивизия прибыла из «марсовых» сражений в Ржевско-Сычевском выступе, из района Белого, где еще продолжали вести бои в окружении части 1-го

механизированного и 6-го стрелкового корпусов (может быть, именно благодаря этому они смогли вырваться из «котла»). Свое наступление был вынужден остановить и Манштейн, который перебросил в район Морозовска и Тацинской 6-ю и 11-ю танковые дивизии. Оставшиеся 17-я и 23-я танковые дивизии еще до начала «Винтергевиттера» имели по 30 танков и продолжать его своими силами не могли. Начальник штаба 48-го корпуса Ф.В. Меллентин позже так оценил последствия «Малого Сатурна»: «Кризис на нашем участке фронта и разгром итальянцев не только вынудили отказаться от наступления 11-й танковой дивизии через Дон, но и заставили фон Манштейна срочно задержать 4-ю танковую армию Гота, для того, чтобы создать оборону на новом рубеже и прикрыть Ростов. Это решило судьбу 6-й армии под Сталинградом» [10, с. 226].

Ставка ВГК наконец осознала, насколько реальной была возможность отсечения групп армий «А» и «Дон» и приказала Н.Ф. Ватутину развить «Малый Сатурн» в «Большой». 28 декабря командующий Юго-Западным фронтом был вынужден констатировать, что «те силы, которые здесь есть, заняты завершением “Малого Сатурна”, а для “Большого Сатурна” нужны дополнительные силы» (цит. по: [5, с. 364]). Ватутину передали 2-й и 23-й танковые корпуса, а к концу декабря ему обещали еще два танковых корпуса и три стрелковых дивизии. Однако Юго-Западный фронт в те дни нуждался больше в стрелковых дивизиях, которые могли бы закрепить позиции, занятые мобильными соединениями, ушедшими в рейд. Без поддержки отставшей пехоты танковые и механизированные корпуса не смогли удержать Тацинскую, Морозовск, Скопырскую, Миллерово и были вынуждены отступить. Здесь Ватутину оченьгодились бы шесть стрелковых дивизий 2-й гвардейской армии, которая с 19 декабря на р. Мышкове отражала атаки 57-го танкового корпуса.

Во время дискуссий о возможностях применения объединения Р.Я. Малиновского часто утверждается, что кроме 2-й гвардейской армии остановить наступление Манштейна было некому. Но это не так. С 9 декабря в этом районе было развернуто еще одно объединение – 5-я ударная армия генерал-лейте-

нанта М.М. Попова, в состав которой входили пять стрелковых дивизий (4-я гвардейская, 87, 258, 300, 315-я, причем три из них прибыли из резерва фронта), 3-й гвардейский кавалерийский, 7-й танковый, 4-й механизированный корпус. Мало того, в приказе Ставки в составе 5-й ударной армии был указан еще один корпус – 23-й танковый. Кроме того, в состав объединения Попова предполагалось включить два противотанковых полка, два-три полка РКК, два полка РСЗО [18, с. 162–163].

Конечно, главной целью этой армии являлось недопущение «прорыва противника из района Тормосин – Нижне-Чирская на соединение с окруженной группировкой противника», поэтому часть ее сил (7-й танковый, 3-й гвардейский кавалерийский корпуса, 4-я гвардейская и 258-я стрелковые дивизии, часть 315-й дивизии) была задействована против 48-го танкового корпуса. Однако к 14 декабря плацдарм на восточном берегу Дона был ликвидирован, а мост у Верхне-Чирского взорван [9, с. 389]. 15 декабря наши войска взяли Верхне-Чирский [18, с. 220], фактически ликвидировав плацдарм на восточном берегу Чира, а с 17 декабря все силы 48-го корпуса вермахта оказались брошены против 5-го механизированного корпуса у Обливской.

После этого все соединения 5-й ударной армии, кроме кавкорпуса, могли повернуть против 57-го танкового корпуса. При этом 4-й механизированный корпус уже вел бои с ним у колхоза «8 Марта» до 19 декабря, 300-я и 87-я дивизии были развернуты на Мышкове к 16 декабря, а 315-я дивизия 12 декабря стояла в совхозе «Крепль» и могла в течение дня занять рубеж Черноморов – Громославка (в реальности его заняла 98-я дивизия, прошедшая вдвое больший путь) или Громославка – Васильевка. Чтобы отразить атаки 6-й и 17-й танковых дивизий (23-я танковая дивизия, румынские соединения и группа «Паннвиц» сдерживались силами 51-й армии), Малиновский развернул на Мышкове четыре стрелковые дивизии: 300, 98, 3-ю гвардейскую и 87-ю (две – из 5-й ударной, две – из 2-й гвардейской). Кроме того, в резерве Сталинградского фронта было четыре стрелковые дивизии, стрелковая бригада и два укрепленных района. Одна из этих дивизий (38-я) к 16 декабря прикрывала в тылу станцию Абганерово и

частично приняла участие в бою у Васильевки [15, карта 3]. Для нее не составило бы труда выйти на рубеж Гнилоаксайская – Васильевка. Если исключить из расчетов 2-ю гвардейскую армию, то Попов для отражения атак 57-го танкового корпуса, начавшихся вечером 19 декабря, имел бы шесть стрелковых дивизий (считая 38-ю из резерва фронта), а также механизированный корпус, правда, уже понесший значительные потери, и танковый корпус, в котором числилось до 150 танков [18, с. 232], что было сопоставимо с численностью танков во всех трех немецких танковых дивизиях. Правда, для отражения атак на Мышкове ни танковый, ни механизированный корпуса так и не понадобились.

Совершенно очевидно, что отказ от «Большого Сатурна» и переадресация 2-й гвардейской армии на левый берег Дона оказались ошибкой Ставки ВГК. Весь конец декабря и январь Сталинградский (Южный) фронт, в том числе армия Малиновского, пытались пробиться к Ростову (также как и Юго-Западный фронт на правом берегу Дона), но Манштейн титаническими усилиями сумел удержать переправы в Ростове до вывода большей части групп армий «А» и «Дон» [9, с. 401–422, 447–465]. Всего в их составе было 77 дивизий (включая 21, окруженную в Сталинграде), в том числе 16 танковых и моторизованных дивизий вермахта и СС (не считая румынской и словацкой дивизий). С учетом семи дивизий и двух бригад 8-й итальянской армии, разгромленных в Среднедонской операции, общая численность фашистских соединений, которая могла быть блокирована и/или уничтожена в ходе «Сатурна», достигает 85 условных дивизий. Это составляет примерно треть от всех соединений Восточного фронта или четверть от всех существовавших соединений вермахта и СС, а также подчиненных им союзников (подсчитано по: [11, с. 781–788]).

Конечно, многие из них понесли значительные потери, но было немало таких, кто сохранил свой боевой потенциал. К таковым, без сомнения, можно отнести 3, 6, 7, 11, 17-ю танковые дивизии и дивизию СС «Викинг», которые в феврале-марте 1943 г. сыграли ключевую роль в поражении советских войск в ходе операции «Скачок» [7, с. III]. Нет сомнений в том, что в случае успеха «Большо-

го Сатурна» все эти соединения остались бы на Кавказе, поскольку противник не имел портов для их эвакуации морем, а танковому корпусу СС, прибывшему из Европы, одному было не под силу остановить «Скачок» советских войск к Днепру. Если же к 16 танковым и моторизованным соединениям вермахта и СС групп армий «А» и «Дон» добавить расформированную 27-ю танковую дивизию и пять соединений, вскоре капитулировавших в Африке, то получается, что «панцерваффе» могло лишиться в ту зиму половины из своих 44 дивизий.

Таким образом, операцию «Большой Сатурн» следует отнести к числу тех упущенных возможностей советского командования, которые могли предрешить исход всей войны, причем ключевую роль здесь сыграла позиция А.М. Василевского, который действовал не с позиции начальника Генштаба всей Красной армии, а с более узкой позиции представителя Ставки ВГК двух фронтов. Думается, что был прав К.К. Рокоссовский, когда писал: «Операция вышла суженной, поскольку все внимание и значительные силы были отвлечены на... группу Манштейна. Это помогло немцам избежать еще более крупной катастрофы на ростовском направлении, чем под Сталинградом. Я уверен в том, что если бы Василевский находился в то время не у нас в Запорожье, а у себя в Москве, в Генеральном штабе, то вопрос об использовании 2-й гвардейской армии решился бы так, как предлагала Ставка, то есть армия ушла бы для усиления удара Юго-Западного и Воронежского фронтов на ростовском направлении...» [14, с. 261].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Боевой состав Советской армии. Ч. III. Январь – декабрь 1943 г. – М. : Воениздат, 1972. – 336 с.
2. Василевский, А. М. Дело всей жизни / А. М. Василевский. – М. : Политиздат, 1983. – 544 с.
3. Великая Отечественная война. 1941–1945. Военно-исторические очерки. Кн. 2. Перелом. – М. : Наука, 1998. – 502 с.
4. Великая Победа на Волге / под ред. К. К. Рокоссовского. – М. : Воениздат, 1965. – 528 с.
5. Жуков, Г. К. Воспоминания и размышления. В 2 т. Т. 2 / Г. К. Жуков. – М. : Новости, 1995. – 384 с.
6. Зенгер, Ф. фон. Ни страха, ни надежды / Ф. фон Зенгер. – М. : Центрполиграф, 2004. – 479 с.
7. Исаев, А. Битва за Харьков. Февраль-март 1943 года / А. Исаев // Фронтовая иллюстрация. – 2004. – № 6. – С. 3.
8. Казаков, М. И. Над картой былых сражений / М. И. Казаков. – М. : Воениздат, 1971. – 288 с.
9. Манштейн, Э. Утерянные победы / Э. Манштейн. – М. ; СПб. : АСТ, 2002. – 896 с.
10. Меллентин, Ф. В. Танковые сражения. Боевое применение танков во Второй мировой войне / Ф. В. Меллентин. – СПб. : Полигон, 2000. – 448 с.
11. Мюллер-Гиллебранд, Б. Сухопутная армия Германии. 1933–1945 / Б. Мюллер-Гиллебранд. – М. : Изографус, 2002. – 800 с.
12. На приеме у Сталина: тетради (журналы) записей лиц, принятых И.В. Сталиным (1924–1953) / авт.-сост. А. В. Коротков, А. Д. Чернев, А. А. Чернобаев. – М. : Новый хронограф, 2008. – 784 с.
13. Роковые решения. Поход на Сталинград / Г. Дёрр [и др.]. – СПб. : Полигон, 2000. – 640 с.
14. Рокоссовский, К. К. Солдатский долг / К. К. Рокоссовский. – М. : Воениздат, 1997. – 480 с.
15. Самсонов, А. М. Сталинградская битва / А. М. Самсонов. – М. : Наука, 1989. – 630 с.
16. Симонов, К. М. Глазами человека моего поколения. Размышления о И.В. Сталине / К. М. Симонов. – М. : Книга, 1990. – 419 с.
17. Среднедонская операция // Великая Отечественная война : энциклопедия. – М. : Сов. энцикл., 1985. – 832 с.
18. Сталинградская битва. Хроника, факты, люди. В 2 кн. Кн. 2 / сост. В. А. Жилин [и др.]. – М. : Олма-Пресс, 2002. – 573 с.

REFERENCES

1. *Boevoy sostav Sovetskoy armii. Ch. III. Yanvar - dekabr 1943 g.* [Combat Strength of the Soviet Army. Part III (January - December 1943)]. Moscow, Voenizdat Publ., 1972. 336 p.
2. Vasilevskiy A.M. *Delo vsey zhizni* [The Matter of the Whole Life]. Moscow, Politizdat Publ., 1983. 544 p.
3. *Velikaya Otechestvennaya vojna. 1941-1945. Voенno-istoricheskie ocherki. Kn. 2. Perelom* [Great Patriotic War. 1941-1945. Military and Historical Essays. Book 2. Turning Point]. Moscow, Nauka Publ., 1998. 502 p.
4. Rokossovskiy K.K., ed. *Velikaya Pobeda na Volge* [A Great Victory on the Volga River]. Moscow, Voenizdat Publ., 1965. 528 p.
5. Zhukov G.K. *Vospominaniya i razmyshleniya. V 2 t. T. 2* [Memories and Reflections. In 2 vols. Vol. 2]. Moscow, Novosti Publ., 1995. 384 p.

6. Zenger F. fon. *Ni strakha, ni nadezhdy* [Neither Fear nor Hope]. Moscow, Tsentrpoligraf Publ., 2004. 479 p.

7. Isaev A. *Bitva za Kharkov. Fevral-mart 1943 goda* [The Battle of Kharkov. February-March of 1943]. *Frontovaya illyustratsiya*, 2004, no. 6, p. 3.

8. Kazakov M.I. *Nad kartoy bylykh srazheniy* [Over the Map of the Past Battles]. Moscow, Voenizdat Publ., 1971. 288 p.

9. Manshteyn E. *Uteryannye pobedy* [Lost Victories]. Moscow; Saint Petersburg, AST Publ., 2002. 896 p.

10. Mellentin F.V. *Tankovye srazheniya. Boevoe primeneniye tankov vo Vtoroy mirovoy voyne* [Tank Battles. The Employment of Tanks in the World War II]. Saint Petersburg, Poligon Publ., 2000. 448 p.

11. Myuller-Gillebrand B. *Sukhoputnaya armiya Germanii. 1933-1945* [Land Army of Germany. 1933-1945]. Moscow, Izografus Publ., 2002. 800 p.

12. Korotkov A.V., Chernev A.D., Chernobaev A.A. *Na prieme u Stalina: tetradi (zhurnaly) zapisey lits, prinyatykh I.V. Staliny (1924-1953)* [At the Meeting

With Stalin: Notebooks (Journals) of Records Adopted by I.V. Stalin (1924-1953)]. Moscow, Novyy khronograf Publ., 2008. 784 p.

13. Derr G., et al. *Rokovye resheniya. Pokhod na Stalingrad* [The Fatal Decisions. Crusade to Stalingrad]. Saint Petersburg, Poligon Publ., 2000. 640 p.

14. Rokossovskiy K.K. *Soldatskiy dolg* [A Soldier's Duty]. Moscow, Voenizdat Publ., 1997. 480 p.

15. Samsonov A.M. *Stalingradskaya bitva* [The Battle of Stalingrad]. Moscow, Nauka Publ., 1989. 630 p.

16. Simonov K.M. *Glazami cheloveka moego pokoleniya. Razmyshleniya o I.V. Staline* [As Viewed by a Person of My Generation. Reflections on I.V. Stalin]. Moscow, Kniga Publ., 1990. 419 p.

17. *Srednedonskaya operatsiya* [Operation on the Middle Don]. *Velikaya Otechestvennaya vojna: entsiklopediya* [Great Patriotic War: an Encyclopedia]. Moscow, Sovetskaya entsiklopediya Publ., 1985. 832 p.

18. Zhilin V.A., et al., ed. *Stalingradskaya bitva. Khronika, fakty, lyudi. V 2 t. T. 2* [The Battle of Stalingrad. Chronicles, Facts, People. In 2 vol. Vol. 2]. Moscow, Olma-Press Publ., 2002. 573 p.

THE OPERATION “BIG SATURN”: PLAN AND IMPLEMENTATION OPPORTUNITIES

Utash Borisovich Ochirov

Doctor of Sciences (History), Associate Professor,
Leading Researcher, Department of History and Archeology,
Kalmyk Institute for Humanities, RAN
utash@elista.ru
Ilishkina St., 8, 358000 Elista, Russian Federation

Abstract. The article analyzes the plan of one of the most important operations of a radical turning point in the course of the Great Patriotic War. Initially, the plan, conceived as the development of Operation “Uranus” and resulted in the encirclement of the 6th Army headed by Field Marshall Paulus at Stalingrad, was called “Saturn”. However, after creating a shortened version of the name “Small Saturn”, it was called “Big Saturn”. The main purpose of “Saturn” was to conduct the strategic offensive with the help of four or five armies from middle Don and Chir towards Rostov-on-Don to withdraw the enemy Army Group “Don” and Army Group “A” from the Caucasus. The enemy army groups consisted of almost a third of the units of the Wehrmacht and its allies, who fought against the Soviet Union and their defeat or delay on the Taman Peninsula where there was no port capacity for rapid evacuation of such a large group of people, equipment and supplies, could significantly change the balance of forces on the Eastern front.

Unfortunately, the Chief of the General Staff of the Red Army Alexander Vasilevsky, who was initially in charge of the “Saturn” operation as the representative of Stavka (General Headquarters), was appointed by Stalin in late November as a coordinator of the Soviet troops, achieving the encirclement of the surrounded Paulus's grouping. Vasilevsky, using his authority, managed to transfer a significant part of the strategic reserves from the middle Don direction firstly to the Stalingrad direction and then to the Kotelnikovsky direction against unlocking grouping of Manstein. The analysis of the forces of the Stalingrad Front, given in

the article, shows that there were enough troops to repulse an attack. The transferred strategic reserves proved to be redundant, and their offensive on Rostov failed, while their usage according to the plan “Saturn” would have led to undeniable success. As a result, Manstein managed to get out of the trap through Rostov a large part of forces of Army Group “A” and Army Group “Don”, which played a key role in the defeat of Soviet forces in Donbass and under Kharkov during strategic Operations “Zvezda” and “Scachok”.

Key words: Great Patriotic War, radical turning point, Stalingrad battle, operation “Saturn”, Middle Don operation, Southwestern Front (of the 2nd formation), Alexander Mikhaylovich Vasilevsky, Nikolay Fedorovich Vatutin.